

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Роман АФАНАСЬЕВ

**ДЕПАРТАМЕНТ
НОЧНОЙ ОХОТЫ**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа художника
О. Горбачика

Афанасьев, Роман Сергеевич.

А94 Департамент ночной охоты : [фантастический роман] / Роман Афанасьев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-699-93687-8

У охотника на нечисть Алексея Кобылина новая работа — государева служба. Все теперь официально — и пропуск в Министерство, и мелкая должность, и даже план по выполнению работ. Вот только работы меньше не становится, в отличие от количества начальников. Тут и убийство расследовать, и за маньяком охотиться, и банду налетчиков искать, и мир от лютой нечисти спасать. И все — под строгим контролем загадочного Ордена, записавшего охотника Кобылина в мелкие винтики рабочего механизма. А терпение у самого удачливого ночного охотника — короткое. Тут и до беды недалеко...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Афанасьев Р.С., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-699-93687-8

Часть первая

Ведьмин танец

Серое марево зыбкой пеленой окутало пустую автостоянку. Белые разметочные линии на выщербленном асфальте выглядели потертыми, выцветшими, словно не обновлялись десятки лет. Ни одной машины, ни единой живой души, ни звука, ни движения. Только легкий ветерок несет вдоль бордюра обрывки белых пакетов, взметая их над засохшими газонами, словно клочья морской пены.

Кобылин медленно поднял взгляд, прищурился, пытаясь хоть что-то разобрать сквозь серую завесу, походившую на сизый туман. Там, впереди, у края парковки, из серости проступала темная громада торгового центра. Высокие ровные стены из стекла и бетона уходили вверх, теряясь в серой хмари. Огромные раздвижные двери из заляпанного стекла приоткрыты, и видно, что внутри ворочается тьма. Клубится, как черный снег в сувенирном шарике, оседает изнутри хлопьями на грязные стены из небьющегося стекла. Дышит. Живет.

Тронув шершавым языком обветренные губы, Кобылин сделал шаг к черному провалу в полупрозрачной стене. Казалось, на это ушел целый день. Двигаться было тяжело, нужно было преодолевать сопротивление серой хмари, а ноги отказывались повиноваться. Алексей чувствовал себя так, словно стоял на океанском дне и пытался протиснуться сквозь массу ледяной воды. Идти было тяжело. Но — необходимо.

Следующий шаг дался легче. Кобылин упрямо склонил голову, двинулся вперед, тараня невидимую стену, и начал продвигаться к черному провалу двери, ведущей в опустевший торговый центр.

Под ногами хрустело битое стекло, ветер швырял в лицо обрывки бумажной упаковки, но Кобылин упрямо продвигался вперед, зная, что если он остановится, то уже не тронется с места. Он даже умудрился поднять руку и выставить перед собой, закрывая лицо от серой хмари, на лету превращавшейся во вполне ощутимые хлопья жирной гари.

Когда до черного провала оставался десяток метров, Алексей ощутил, как ему в лицо ударил холодный поток воздуха. От неожиданности охотник отшатнулся и чуть не упал. Покачиваясь на пятках, он попытался сохранить хрупкое равновесие и чудом удержался на ногах.

Тяжело дыша, словно только пробежал марафонскую дистанцию, Кобылин замер. В тот же миг давление утихло, невидимый барьер исчез, и ветер, набиравший силу, вдруг сгинул без следа, осыпав замершего охотника сухими листьями и пылью.

Темная громада торгового центра нависала над Кобылиным безмолвной скалой. Безжизненная, серая, притихшая, угрожающе молчаливая. В абсолютной тишине Алексей стоял напротив черного провала, ведущего в недра мертвого здания. Серая хмарь стучалась на глазах, превращаясь в липкие хлопья и нити, сыплющиеся из бездонных свинцовых туч.

Кобылин поднял руку, смахнул с лица липкую дрянь и внезапно понял, что это паутина. Серая липкая паутина, запленившая всю огромную площадь, облепившая стены и асфальт, затянувшая стекла и плавающая в воздухе дымными ключьями.

Кобылин сглотнул, потянулся к поясу, но вспотевшая ладонь ухватила только широкий ремень. Пистолета не

было. Не было ножа. И за спиной, в петлях для дробовика, была лишь пустота.

Темнота внутри здания всколыхнулась, вздохнула, как огромный зверь, и медленно тронулась к выходу. Чернильные потоки хлынули из распахнутых створок, растекаясь по асфальту черными лужами, в проеме дверей заворочалось что-то темное, холодное, неживое.

Стиснув зубы, Кобылин сжал кулаки и шагнул вперед, чувствуя, как от ярости ноют виски. Вскинув безоружные руки, охотник рванулся вперед, в самое сердце тьмы. В последний момент оскалился диким зверем, вскрикнул...

И проснулся.

* * *

Кобылин лежал на спине. Обнаженный, на мокрых от пота простынях, он до боли сжимал кулаки. Сердце отчаянно билось в груди, а застывший неживой взгляд был устремлен в белоснежный потолок, рассеченный надвое солнечным лучом.

Очень долгий миг Алексей лежал неподвижно, напряженный, словно натянутая до предела струна. Потом он медленно выдохнул и расслабился. Пальцы, сведенные судорогой, разжались, грудь, исчерканная белыми нитками шрамов, дрогнула, возвращаясь к спокойному дыханию, а сердце перестало колотить в ребра.

Охотник набрал полную грудь холодного утреннего воздуха и медленно выдохнул, шипя как проткнутая шина. Потом еще раз. И только после поднялся, сел на кровати и покачал головой, разминая затекшую шею. Пора было вставать.

Маленькая съемная квартирка на последнем этаже скромной пятиэтажки за ночь не претерпела никаких изменений. Кровать, окно, старая стенка, сломавший-

ся еще в прошлом веке телевизор, протертый ковер на полу и точно такой же, но облезший, на стене... Все было по-прежнему. И все-таки что-то неуловимо изменилось. Словно кошмар все еще цеплялся за свою жертву, нороя переползти в реальный мир следом за проснувшимся охотником.

Кобылин вскочил с кровати, подпрыгнул пару раз, коснувшись пальцами потолка, покрутил головой, шумно выдохнул пару раз. Потом подошел к пустому письменному столу, вытащил из верхнего ящика карандаш и обернулся к стене. Там, у окна, висел большой бумажный календарь, один из тех, что дарят друг другу на Новый год мелкие фирмочки, экономящие на подарках клиентам. Кончиком карандаша охотник передвинул красную рамочку на новый день. Потом, помедлив секунду, обвел прошлое число кружком и отступил на шаг, любуясь получившейся картиной.

Итого, третий раз за две недели. Три черных кружочка означали дни, когда один и тот же кошмар заставлял Алексея просыпаться в собственном поту. Нет, он видел похожие сны раньше, и не раз. Вот только отмечать эти дни Кобылин начал недавно, пытаясь установить хоть какую-то закономерность. Почему этот сон? Почему именно сейчас?

Хмыкнув, Кобылин бросил карандаш на стол, развернулся спиной к исчерканному календарю и пошлепал в ванную, принимать душ и бриться. День обещал быть суетным. Сегодня охотник устраивался на работу.

* * *

Выйдя из метро, Кобылин сощурился на яркое августовское солнышко, огляделся по сторонам, высмотрел подземный переход и двинулся к нему уверенным и пружинистым шагом.

Указания Гриши были недвусмысленными — к десяти часам прибыть ко входу в зоопарк и ждать дальнейших указаний. С этим никаких проблем не предвиделось — вход в зоологический сад отгрохали такой, что захочешь, а не пропустишь.

Перейдя улицу, Кобылин прошел десяток шагов вдоль каменного заборчика и оказался у того самого входа в зоопарк. Он давно не бывал в этих краях и потому запрокинул голову, с искренним интересом осматривая новую достопримечательность.

Решетчатые ворота зоопарка остались прежними. Вот только теперь над ним громоздилась настоящая стена средневекового замка. Сложена из камня, наверху торчит башня с часами и остроконечными шпилями, а с краю прямо на камни мостовой падает крохотный водопад — почти как настоящий. И пусть камни — это всего лишь облицовочная плитка, водопад рожден водопроводом, а красивая башенка больше напоминает декорацию из детского кинофильма. Пусть. Все равно красиво, а уж для ребятни это точно двери в сказку.

Почувствовав затылком чужой пристальный взгляд, Кобылин опустил голову и медленно обернулся, словно невзначай бросив по сторонам быстрый взгляд. Источник беспокойства обнаружился быстро — на противоположной стороне улицы, у входа в кофейню, стоял грузный человек в черном костюме. Он сжимал в огромной лапище картонный стаканчик с горячим кофе и прожигал охотника серьезным оценивающим взглядом.

Кобылин спокойно подошел к переходу, дождался зеленого света, быстро прошелся по «зебре» и вышел прямо к ожидающему его франту.

— Ну ты и вымахал, Кобылин, — прогудел Гриша, окидывая охотника оценивающим взглядом. — Отъелся на казенных харчах за лето.

— Ты тоже, как я погляжу, зря времени не терял, — парировал Кобылин, легонько ткнув твердым, как железный штырь, пальцем в объемистое чрево Бороды.

На самом деле он был удивлен — таким он Григория еще не видел. Огромная бородища нынче была аккуратно подстрижена почти под корень, жесткие лохмы, вечно свисавшие на плечи, были собраны в аккуратный «конский» хвост. Черный костюм идеально сидел на объемистой фигуре Гриши и был явно сшит на заказ. Черный галстук идеально ровной линией спускался от воротника белоснежной рубашки к блестящей пряжке ремня. Теперь в Бороде не осталось ничего от безумного байкера в кожаном плаще. Теперь он скорее походил на адвоката с Манхэттена, выбежавшего с утра за кофейком.

— М-да, — буркнул Гриша, отрывая, наконец, взгляд от своего напарника, — ну ты, отец, как всегда.

Кобылин смущенно отвел взгляд. Он, выполняя требования Гриши, сегодня тоже оделся вполне прилично. Костюм, правда, у него был темно-синий. Рубашка белая, галстук — тоненький шнурочек, найденный на распродаже. И начищенные до блеска остроносые ботинки. При этом Алексей осознавал, что костюм ему маловат — особенно в плечах. Он, пожалуй, в первый раз покупал себе костюм и, кажется, слегка промахнулся с размером. Его вряд ли можно было назвать культуристом — его фигура была скорее не мускулистой, а жилистой, так что рукава по швам не расползались, вовсе нет. Но широкие плечи, обычно прятавшиеся в безразмерных куртках, превратили окостюмленного Кобылина в некое подобие шкафа с квадратными углами. Волосы он постриг еще в прошлом месяце, и довольно коротко, чтобы не мешали на охоте, и это было очень удобно. Все по отдельности смотрелось очень прилично, но собранное вместе — квадратные плечи, узковатый костюм, короткая стрижка и остроносые

ботинки — превращало Кобылина в какого-то братка из лихих девяностых. Причем не настоящего, а киношного, в этукую пародию на бандита.

— Хорошо хоть ствол оставил, — буркнул Григорий в кофейный стакан. — А то с оттопыренным отворотом коротковатого пиджака был бы просто неотразим.

Кобылин недовольно хмыкнул и покачал головой.

— А вот нечего меня заставлять всякой ерундой заниматься, — тихо произнес он. — Это вообще все зачем? Что за маскарад?

— В приличное место идем, — отозвался Борода, бросая опустевший стаканчик в урну у дверей кофейни. — Готов?

— Как пионер, — мрачно отозвался охотник.

— За мной, — велел Гриша и двинулся вдоль по улочке.

На ходу он вытащил из кармана огромные черные очки, нацепил на свой огромный нос и превратился из адвоката в мелкого наркодилера из того же Манхэттена.

Обреченно вздохнув, Кобылин незаметно тронул рукой пояс. Ствол действительно пришлось оставить дома — на этот счет Гриша высказался весьма определенно. И теперь охотник чувствовал себя так, словно вышел на прогулку голым. Немного успокаивал складной нож в кармане брюк, пара кованых спиц в рукавах, пакетик с серебряной пылью, удавка за поясом, пара отравленных игл за лацканом и еще пара мелочей... Но это все не то. Это так, чисто для вида. Кобылин снова тронул пустой карман. Некстати вспомнился дурной сон, то ужасное ощущение, когда он осознал, что оружия больше нет.

Кобылин оглянулся. Борода успел миновать желтый дом с кофейней и направиться к следующему зданию — к длинной бетонной коробке. Нахмурившись, охотник прибавил шаг и под задорную песенку Элвиса, доносящуюся из переулка между зданиями, двинулся следом за другом.

Он быстро нагнал Григория, неторопливо шагавшего вдоль железного решетчатого забора, ограждавшего унылый серый дом с одинаковыми окнами. Какой-то умник придумал для подобных домов определение — административное здание. Очень глупо, но точнее не скажешь. Вот сразу видно официальное здание — серые стены, одинаковые ряды одинаковых окон с коробками кондиционеров. Между стеной и забором ровенький газончик, над которым возвышаются редкие голубые елочки. Тут не ошибешься, это что-то государственное, предназначенное исключительно для решения административных задач.

— Куда идем? — шепнул Кобылин, нагоняя напарника.

— Тут рядом, — отозвался Борода, медленно, с ленцой, переставляя ноги, словно наслаждаясь прогулкой вдоль заборчика. — Как дела?

— Дела? — изумился Кобылин. — Нормально дела.

— Как Лена?

Алексей мотнул головой и сразу помрачнел.

— Все так же, — мрачно отозвался он. — Месяц уже ни ответа, ни привета. Все.

— Ясно, — коротко отозвался Борода.

— Оно и к лучшему, — пробормотал охотник. — Без этого дурдома целее будет.

— Может, — согласился Григорий.

— Что? — недовольно осведомился Кобылин. — Не одобряешь? Или...

Он остановился и схватил Гришу за рукав.

— Не смей, — тихо, но с напором сказал он. — Не смей ее тянуть обратно. Ушла девчонка, и прекрасно. Прошла романтика, ну и слава богу. Не вздумай позвать ее обратно.

— Тише, ты, скаженный, — бросил Борода. — Люди же смотрят!

Он тихонько высвободил рукав из хватки охотника.

— Да я сам ее не видел с начала лета, — тихо проговорил Борода, стряхивая с плеча невидимую пылинку. — Никуда я никого не тащу. Просто ну, немного беспокоюсь.

— Вот и славненько, — отозвался Кобылин, внимательно изучая круглую физиономию друга, пытаясь заметить хоть намек на ложь. — Пусть все так и будет.

— Пусть, — легко согласился Борода и снова медленно двинулся вдоль забора. — Проехали.

Кобылин что-то невнятно буркнул под нос и зашагал следом. Он не хотел признаваться в этом самому себе, но разрыв отношений дался ему не так легко, как хотелось бы. Собственно, это были не отношения, а мучения какие-то. Лена смотрела на него влюбленными глазами, заглядывала в рот, пытаясь предугадать любое желание, а он... А он был так зациклен на охоте, что порой и не замечал этих взглядов. А когда замечал — обычно опуская окровавленный мачете, — то чувствовал себя полным идиотом, не способным дать нормальной девчонке ничего, кроме жарких дневных объятий и кровавых ночей, проведенных не в постели, а в грязных подворотнях. Он ничуть не удивился, когда Лена однажды назвала его роботом, бесчувственной деревяшкой и ушла, забрав те мелочи, которые успела принести в съемную квартиру. Собственно, возразить было нечего. Нормального романа не получилось. А что у охотника может быть нормального? Ни жизни, ни романов, ни дома, ни работы... Кровь, пот и слезы.

— Ну, вот мы и на месте, — сказал Гриша. — Эй, не спи.

— Не сплю, — мрачно отозвался Кобылин, озираясь по сторонам.

Его худшие опасения подтвердились. Серый казенный дом окончился скромным крыльцом со стеклянными стенами. В этаким предбаннике хорошо стоять в дождливый день, дожидаясь своего номера в бесконечной очереди к весьма занятому чиновнику.

Чуть дальше дорога нырнула под навесной пешеходный мостик, нависавший над всеми проводами. Алексей знал, что этот мост, отделанный каменной плиткой, соединяет две части зоопарка. Но до мостика было еще далеко. Оглянувшись, охотник смерил взглядом длинное серое здание с голубыми елками у входа.

— И что это? — осведомился Кобылин.

— Это, милый Гарри, министерство чародейства и волшебства! — радостно отозвался Борода. — В широком смысле слова.

— Ясно, — бросил Алексей. — А в узком?

— Твоя новая работа, — отозвался Гриша, протягивая Кобылину пластиковый квадратик электронной карточки. — Будешь работать в Министерстве. Вне штата. Но с широкими полномочиями.

— Министерство Природы, — прочитал Кобылин, любясь на свою фотографию, размещенную прямо поверх пластиковой карточки. — Департамент охоты? Охоты?

— Ну да, — без тени смущения отозвался Борода. — Знаешь, охотники, ружья, заповедники, пиф-паф? Вот это все как-то надо регулировать. Вот и регулируют.

— А я? — поразился Кобылин. — Я что буду регулировать?

— Ну, будешь что-нибудь, — протянул враз помрачневший Борода. — Пиф-паф. В широком смысле.

Поймав пронзительный взгляд Кобылина, Григорий смягчился и потрепал его по плечу.

— Не тушуйся, — сказал он. — Бумажные дела беру на себя. Для тебя все останется по-прежнему. Почти. Не напрягайся. Я все расскажу, а сегодня просто зайдем, познакомимся, людей посмотрим, себя покажем. Идет?

Кобылин коротко сообщил Григорию, кто и куда должен, по его мнению, пойти, но Борода лишь ухмыльнулся и потянул белую пластиковую ручку на себя.

— Идем, — сказал он, распахивая дверь. — Тебе понравится. Я обещаю. С меня мороженое и воздушный шарик.

Чертыхнувшись, Кобылин сжал зубы и вошел в открытую дверь. Отступить было поздно. Настало время открывать новую страницу своей жизни.

* * *

Пройдя сквозь остекленное крыльцо, напарники подошли к блестящей никелем вертушке. Охранник хмуро глянул из-за конторки на гостей, но Борода приложил свою карточку к приемнику у входа. Тот вспыхнул зеленой лампочкой, вертушка разблокировалась. Друзья прошли мимо поскучевшего охранника и свернули в длинный коридор.

Кобылин с интересом глазел по сторонам — в министерствах он раньше не бывал. Но ничего интересного он так и не увидел. Обычный коридор, выкрашенный скучной коричневой краской, десяток деревянных дверей с медными табличками. Вдоль стен стоят железные шкафы, битком набитые картонными папками и пачками бумаг, а между ними красуются стулья со сломанными спинками. На некоторых стоят большие коробки, также забитые растрепанными папками, а в крайней так и вовсе — склад древних компьютерных клавиатур. Вероятно, это был черный ход, если так можно было выразиться. Вся позолота и широкие лестницы с красными дорожками остались, как всегда, с другой стороны. Охотникам и не положены встречи с почетным караулом и фанфарами, подумалось Кобылину.

Миновав коридор, Григорий свернул направо, на крохотную площадку у одинокого лифта. Справа от него наверх уходила лестница с потертыми каменными ступенями. Где-то рядом по ступенькам застучали каблуки, и